

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

А. А. МАТЮНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья выполнена в русле исторической функциональной семантики. Выявлены семантические особенности древнерусских действительных причастий настоящего и прошедшего времени в целях установления функциональных отличий внутри обозначенного лексико-грамматического класса слов на материале Повести временных лет. Установлен характер выражаемого причастиями признака, и в соответствии с этим выделены четыре семантические группы действительных причастий настоящего и прошедшего времени, употребляемых в исследуемом тексте: причастия, которые называют временный адъективный акциональный признак; причастия, которые называют постоянный адъективный акциональный признак; субстантивированные причастные лексемы; причастия со значением второстепенного акционального признака. Доказано, что семантические отличия действительных причастий настоящего и прошедшего времени следует учитывать при прочтении древнерусского текста носителями современного русского языка для адекватного понимания смысла, вложенного средневековым автором в текст.

Ключевые слова: семантика; функционирование; причастие; процессуальный признак; адъективный признак; акциональный признак; предикативный признак.

Образец цитирования:

Матюнова А. А. Функционально-семантические особенности действительных причастий настоящего и прошедшего времени в Повести временных лет // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. 2018. № 2. С. 53–59.

For citation:

Matsiunova A. A. Functional-semantic features of the actual participles of the present and past time in the Tale of Bygone Years. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2018. No. 2. P. 53–59 (in Russ.).

Автор:

Антонина Александровна Матюнова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Antonina A. Matsiunova, PhD (philology), docent; associate professor at the department of russian language, faculty of philology.
kozhevnikova_ant@mail.ru

ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ДЗЕЕПРЫМЕТНІКАЎ НЕЗАЛЕЖНАГА СТАНУ ЦЯПЕРАШНЯГА І ПРОШЛАГА ЧАСУ Ў АПОВЕСЦІ МІНУЛЫХ ГАДОЎ

А. А. МАЦІУНОВА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Артыкул выкананы ў рэчышчы гістарычнай функцыянальнай семантыкі. На матэрыяле Аповесці мінулых гадоў выяўлены семантычныя асаблівасці старажытнарускіх дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу з мэтай вызначэння функцыянальных адрозненняў унутры акрэсленага лексіка-граматычнага класа слоў. Даследуецца характар прыкметы азначаных дзеепрыметнікаў. Вылучаны чатыры семантычныя групы дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу, якія ўжываюцца ў тэксе Аповесці мінулых гадоў: дзеепрыметнікі, якія называюць часовую ад'ектыўную акцыянальную прыкмету; дзеепрыметнікі, якія называюць пастаянную ад'ектыўную акцыянальную прыкмету; субстантыўныя дзеепрыметнікі; дзеепрыметнікі са значэннем дугароднай акцыянальнай прыкметы. Даказана, што семантычныя адрозненні дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга і прошлага часу варта ўлічваць пры чытанні старажытнарускага тэксту носьбітамі сучаснай рускай літаратурнай мовы з мэтай адекватнага разумення сэнсу, укладзенага сярэднявечным аўтарам у тэкст.

Ключавыя словы: семантыка; функцыянаванне; дзеепрыметнік; працэсуальная прыкмета; ад'ектыўная прыкмета; акцыянальная прыкмета; прэдыкатыўная прыкмета.

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF THE ACTUAL PARTICIPLES OF THE PRESENT AND PAST TIME IN THE TALE OF BYGONE YEARS

A. A. MATSIUNOVA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is written in the vein of the historical functional semantics. The article describes semantic features of the ancient Russian participles. Aim of the article is to establish semantic and functional differences between participles, which are used in The tale of bygone years. The article defines four groups of words: participles, which expressed the temporary adjective actional attribute; participles, which expressed a permanent adjective actional attribute; substantivized participial words; participles which called secondary actional attribute. It is proved that the semantic differences between Old Russian participles should be taken into account, when the speakers of the modern Russian language read Old Russian text, for the adequate understanding of the meaning, which is invested by the medieval author in the text.

Key words: semantics; functional; participle; processual attribute; adjectival attribute; action attribute; predicate attribute.

Повесть временных лет в лингвистическом освещении. Актуальность исследования

Несмотря на то что Повесть временных лет (ПВЛ) – достаточно подробно изученный памятник древнерусского литературного языка, у лингвистов остается очень много вопросов, связанных с исследованием особенностей семантики и функционирования языковых единиц в его тексте. В данной работе мы обратились к описанию языка ПВЛ по Лаврентьевскому списку [1]. В этот свод ПВЛ вошла в редакции начала XII в., что отразилось на правописании и языке произведения. Анализируемое издание подготовлено к печати Е. Ф. Карским, который в орфографии старался максимально придерживаться подлинника, что важно для ученых, поскольку «в лингвистических исследованиях, которые не ограничиваются примерами-иллюстрациями, а ставят своей целью исчерпывающее описание той или иной грамматической категории или лексической группы в тексте ПВЛ, мы неизбежно встретимся

с трудностями, когда в каждом конкретном случае приходится решать, как понять и осмыслить испорченный текст» [2, с. 582].

Язык ПВЛ исследовал Д. Н. Кудрявский, который в 1910 г. опубликовал статью о распределении глагольных форм в Лаврентьевской летописи [3]. Исследователь пришел к следующим выводам: употребление определенных форм зависит от содержания повествования; «литературно обработанные рассказы об отдельных исторических событиях писались в старом славянском стиле, и поэтому аорист в них встречается чаще» [3, с. 51]; причастия на -л особенно употребительны при передаче в летописи прямой речи.

В 1920–30-х гг. появляются труды Е. Ф. Карского [4], в которых описываются особенности функционирования в ПВЛ собирательных существительных, анализируется употребление падежных форм, предложное и беспредложное управление.

Многочисленные работы о языке ПВЛ появились в 1950-х гг. В этих исследованиях рассмотрены типы словообразования существительных [5], особенности их склонения [6], префиксальные существительные, соотносимые с глаголами [7], и др. Известны лингвистические работы, в которых подробно описываются особенности форм прошедшего времени глаголов в ПВЛ [8], функции глагольных приставок [9], специфика местоимений [10], предлогов и предложно-падежных сочетаний [11] и др.

Однако анализу особенностей семантики и функционирования причастий в тексте ПВЛ уделено мало внимания лингвистов, а в русле исторической функциональной семантики причастия в древнерусском литературном языке вовсе не рассматривались. На наш взгляд, для данной лингвистической парадигмы причастия являются весьма интересным объектом описания, поскольку характеризуются семантической неоднородностью, обусловившей функциональные различия единиц внутри одной лексико-грамматической группы. Выявление функционально-семантических особенностей древнерусских причастий важно для описания особенностей мировосприятия средневекового русича, помогает лучше понимать древнерусский текст и те внутренние смыслы, которые в него вкладывал автор. Все эти факторы определили актуальность, теоретическую и практическую значимость настоящего исследования.

Цель данной работы – выявить семантические особенности причастий, употребляемых в тексте ПВЛ, и определить их влияние на функционирование причастий в тексте. Объектом исследования стали полные и краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени, употребляемые в тексте ПВЛ. Количество анализируемых причастий зависит от степени оригинальности отрывка ПВЛ: во фрагментах, содержащих буквальный перевод Хроники Георгия Амартола, причастных форм заметно больше, чем в отрывках, описывающих непосредственно события на Руси. И в переводных, и в оригинальных отрывках имеет место функционально-семантическая неоднородность действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Однако, прежде чем рассматривать особенности семантики и функционирования причастий непосредственно в тексте ПВЛ, следует обратиться к анализу семантики причастия как части речи.

Семантика причастия как части речи

Причастие в древнерусском литературном языке является особой глагольной формой, существовавшей еще в праславянском языке и перешедшей в древнерусский литературный язык посредством старославянского языка. Употребление причастных форм в древнерусском языке было атрибутом книжной речи, что указывает на сложность и синкретичность данных единиц. Сложность причастия как части речи обусловлена сочетанием в его семантике признаков глагола и имени прилагательного. На двуприродность причастий указывал еще М. В. Ломоносов в «Русской грамматике» (1755): «Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу: *приведенный* вместо *которого привели*. Они в переменах причастны имени: *приведенный*, *приведенного* и проч., также и глагола: *бывший*, *будущий*, потому имеют место не последнее меж прочими частями слова»¹ [12, с. 25].

В «Русской грамматике» (1980) причастие рассматривается как «атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т. е. значения действия и собственно определительное» [13, с. 155]. В издании «Русской грамматике» 1990 г. Н. Ю. Шведова так определяет причастие: «...это атрибутивная глагольная форма, сочетающая категориальные свойства глагола и прилагательного» [14, с. 310].

Авторы сборника «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол» отмечают, что причастия «рассматриваются и внутри класса глаголов... и внутри класса имен, и как самостоятельный

¹Цитата приводится в соответствии с современными нормами орфографии. – А. М.

класс слов... В зависимости от условий употребления, а также лексико-грамматических особенностей формообразующих глаголов до известной степени подвижными оказываются грамматические и семантические свойства одних и тех же причастных форм в одной и той же языковой системе» [15, с. 280].

Еще со времен М. В. Ломоносова исследователи описывали причастие как атрибутивную форму глагола, полученную в результате стремления человека к экономии языковых средств при выражении значения признака по действию, что обусловило особый статус данных форм. Таким образом, акцент во всех дефинициях делается на функции причастия в предложении (атрибутивность). Исследуя причастие в одной синхронно взятой языковой системе, ученые неизбежно объединяют морфологический и синтаксический планы, при этом функционально-семантический аспект анализа нивелируется. На наш взгляд, серьезное упущение всех приведенных определений состоит в том, что в них нет семантического анализа причастия как лексико-грамматического класса слов, не определен характер признака, который выражается причастием, не установлено, чем этот признак принципиально отличается от тех признаков, которые называются глаголом и прилагательным.

Нам кажется логичным описать характер признаков, выражаемых глаголами, прилагательными и причастиями, следующим образом: глагол называет акциональный признак (активный или пассивный), который в предложении (высказывании) характеризуется предикативностью; прилагательное называет постоянный адъективный признак, который в предложении (высказывании) характеризуется атрибутивностью. В отличие от прилагательных и глаголов причастия называют временный адъективный акциональный признак, который в древнерусском тексте мог характеризоваться в зависимости от семантических условий как предикативностью, так и атрибутивностью. То, что признак, называемый причастиями, отличается от признака, называемого прилагательными и глаголами, прослеживается в употреблении причастных форм в текстах древнерусской письменности и отражается на характере выполняемых причастиями функций.

Семантика причастий в древнерусском литературном языке

Содержательная характеристика признака, который объективируется причастием, принципиально важна при описании особенностей функционирования причастных форм в древнерусском литературном языке, а также при передаче значения причастных форм древнерусского языка на современный русский язык. Раскроем этот тезис на материале ПВЛ.

Рассмотрим первый контекст из ПВЛ, в котором употребляется причастие: *...си же творяху Шбычая кривичи и прочии погани не вѣдуще закона Бжга но творацие сами собѣ законъ* [1, с. 14]. В данном контексте причастия называют временный адъективный акциональный признак и выполняют атрибутивную функцию в предложении (высказывании). При таком употреблении конструкции с причастием легко трансформируются в сложные предложения со словом *который*. На современный русский язык значения этих причастий передаются при помощи причастных форм: «...эти же обычаи творили кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божия, но творящие сами себе закон»². Как видим, функционально-семантические особенности действительных причастий настоящего времени в данном контексте принципиально не отличаются от функционально-семантических особенностей действительных причастий настоящего времени современного русского языка.

Рассмотрим другой контекст: *Полеми же жившемъ Шсобѣ и володѣющемъ и роды своими иже и до сее братѣ бѣху Полане и живѣху кождо съ своимъ родомъ...* [1, с. 12]. Признаки, названные полными причастиями настоящего и прошедшего времени действительного залога *жившемъ* и *володѣющемъ*, в данном контексте мыслятся как постоянные акциональные признаки, свойственные полянам и принципиально отличающие, по мнению автора летописи, эти славянские племена от других племен. В данном контексте действительные причастия не выполняют собственно атрибутивную функцию, хотя с точки зрения формального синтаксиса мы можем их рассматривать как определения. С функционально-семантической точки зрения данные причастия называют не просто адъективный акциональный признак, а адъективный предикативно-акциональный признак и выполняют предикативную функцию в предложении (высказывании). Автор акцентирует внимание читателей на том, что поляне жили отдельно и владели своим родом. Однако в сознании летописца эти действия не активны, они являются, скорее, постоянным признаком образа жизни полян, а поскольку причастие мыслится как глагольно-именная форма, сочетающая в себе признак и действие и, соответственно, имеющая возможность выполнять функции и предиката, и атрибута, автор считает допустимым называть ею постоянный адъективный предикативно-акциональный признак, в данном случае признак лица. Однако для носителя современного русского языка такое употребление причастий не совсем обычно, и поэтому

² Здесь и далее перевод наш. – А. М.

при переводе на современный русский язык используются глагольные формы: ‘Поляне жили отдельно и владели своими родами, ибо и до той братии были уже поляне и жили каждый со своим родом...’ Предлагая такое объяснение особенностей употребления причастий в приведенном контексте, мы неизменно приближаемся к следующему вопросу: почему автор летописи в начале предложения (высказывания) адъективные акциональные признаки *жили* и *владели* вербализует посредством причастных форм, а ниже употребляет имперфект *живѣху*, также описывая акциональный признак, присущий полянам? Как дифференцируются акциональные признаки, называемые причастием *жившемъ* и глаголом *живѣху*? На наш взгляд, эти два признака отличаются такими характеристиками, как постоянство/временность. Для автора ПВЛ *жившемъ* и *володѣющемъ* – это постоянные адъективные акциональные признаки полян, отличающие их от других славянских племен, жизнь которых автор описывает в сравнении. Для автора ПВЛ принципиально важно найти постоянные отличительные признаки каждого славянского племени. Функционирование данных причастий – это вербализация, в том числе на грамматическом уровне, мировоззренческих категорий автора. Переводя эти слова на современный русский язык просто глагольными лексемами, мы теряем важный компонент смысла, а именно постоянство названного признака лица. На наш взгляд, правильнее перевести этот отрывок следующим образом: ‘Поляне постоянно (всегда) жили отдельно и постоянно (всегда) владели своими родами, ибо и до той братии были уже поляне и жили каждый со своим родом...’ В данном случае уточнение *постоянно* (*всегда*) семантически очень важно, поскольку без него теряется общий смысл отрывка, нивелируется установка автора на описание славянских племен путем сравнения их образа жизни, обычаев.

Подобных примеров в тексте ПВЛ много: *...древляне живѣху звѣринскимъ образомъ живуще скотски оубиваху...; ...не хожаше зѣть по невѣсту но приводѣху вечеръ а завѣтра приношаху по ней что вдадуче* [1, с. 12] и т. д. Такое употребление свидетельствует о том, что автор видел в причастии особую единицу, семантически отличную от глагола и прилагательного, способную выражать особое значение, которое не могло быть объективировано словами других частей речи. Соответственно, в данных контекстах сводить функцию причастия к простой компрессии и экономии языковых средств неправильно, поскольку при таком подходе теряется важный компонент смысла текста, более того, утрачивается особое мироощущение автора древнерусского текста, упрощается картина мира древнего русича.

Рассмотрим еще один контекст, в котором присутствует причастная форма: *Ини же не свѣдуще рекоша ѿкоже Киѣ есть перевозникъ былъ...* [1, с. 9]. В данном контексте наблюдается, как временный адъективный акциональный признак, выраженный субстантивированным причастием *свѣдуще*, соотносится с человеком и его познавательной деятельностью. Однако именование лица по его временному адъективно-акциональному признаку указывает, соответственно, и на временность владения этим лицом данным признаком. Именно поэтому такая номинация не является семантически достаточной, она нуждается в конкретизации, поскольку ею может быть назван абсолютно любой человек, но при определенных условиях. Летописец использует субстантивированное причастие для номинации лица для того, чтобы этим словом назвать многих, но в то же время никого конкретного. Такое употребление свойственно и причастиям современного русского языка.

Обратим внимание на еще одну группу контекстов: *Словѣномъ живуцимъ кричѣмъ и княземъ ихъ Ростиславъ и Сѣкъ и Коцель послаша ко црю Михаилу глѣще...; Се прислаласѣ ко мнѣ Словѣньска землѣ просѣщи оучителѣ...* [1, с. 26]. В данном случае мы наблюдаем, как действительные причастия настоящего времени *глаголяще* и *просѣщи* переосмысливаются автором ПВЛ не как названия постоянных или временных атрибутивных акциональных признаков, а как именованья второстепенных действий, происходивших одновременно с главным или следующих за ним. Такое употребление свидетельствует о формировании лексико-грамматического класса деепричастий. Этот процесс был обусловлен «затуханием всех функций причастий, кроме аппозитивной, и усиливающимся тяготением аппозитивного причастия к глаголу-сказуемому при ослаблении его семантических связей с именем – подлежащим» [15, с. 302]. Количество причастных форм, называющих второстепенное действие, в тексте ПВЛ значительно, при этом преобладают слова, называющие второстепенное действие, происходящее одновременно с главным. Лексемы данной группы семантически и функционально отличаются от лексем трех предыдущих групп, поэтому к их описанию мы обратимся в отдельной работе.

Выводы

Таким образом, анализ контекстов из ПВЛ, в которых употребляются действительные причастия настоящего и прошедшего времени, показал, что названная группа лексем была функционально-семантически неоднородна. В ее составе выделяются: 1) лексем, которые называли временный адъективный акциональный признак и выполняли в предложении (высказывании) атрибутивную функцию; 2) лексе-

мы, которые называли постоянный адъективный акциональный признак и выполняли в предложении предикативную функцию; 3) субстантивированные причастные лексемы; 4) лексемы со значением второстепенного акционального признака. Анализ текста ПВЛ свидетельствует о том, что все описанные группы действительных причастий настоящего и прошедшего времени были широко употребительны.

Семантические отличия действительных причастий следует учитывать при переводе текстов древнерусского литературного языка на современный русский язык, чтобы не потерять важные компоненты смысла, особые мировоззренческие коды, на которых акцентировал внимание читателей автор летописи.

Библиографические ссылки

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М. : Языки слав. культуры, 2001.
2. Творогов О. В. Лексический состав Повести временных лет: словоуказатели и частотный словник // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 581–601.
3. Кудрявский Д. Н. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1910. Т. 14, кн. 2. С. 48–54.
4. Карский Е. Ф. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи // Изв. Акад. наук СССР по рус. яз. и словесности. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 1–75.
5. Пастушенков Г. А. Система словообразования имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1955.
6. Тележникова А. А. Склонение имен существительных в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
7. Колеватова Г. И. Префиксальные имена существительные, соотносящиеся с глаголами (на материале Повести временных лет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1954.
8. Сими́на Г. Я. К вопросу об употреблении глагольных форм прошедшего времени в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку // Исследования по грамматике русского языка. Л., 1955. Т. 2. С. 42–59.
9. Самохвалова Е. И. Функции глагольных приставок в Лаврентьевской летописи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.
10. Маловицкий Л. Я. Из истории местоимения 3-го лица (по материалам Повести временных лет) // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1963. Т. 245. С. 195–200.
11. Выгонная М. П. О соотношении предложных и беспредложных конструкций в выражении падежных отношений (на материале Повести временных лет по Лаврентьевскому списку) // Вопросы изучения русского языка. Ростов-н/Д, 1963. С. 114–116.
12. Ломоносов М. В. Российская грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 10.10.2017).
13. Русская грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (дата обращения: 01.09.2016).
14. Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. 2-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1990.
15. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М. : Наука, 1982.

References

1. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* 2nd ed. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001 (in Russ.).
2. Tvorogov O. V. [The lexical composition of the Tale of Bygone Years: word-markers and frequency dictionary]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian annals]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'*. Moscow : Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. P. 581–601 (in Russ.).
3. Kudryavsky D. N. [To the statistics of verbal forms in the Laurentian Chronicle]. *Izv. Otd. Rus. yaz. i lit.*, 1910. Vol. 14, issue 2. P. 48–54 (in Russ.).
4. Karsky E. F. [From syntactic observations of the Laurentian list of the annals]. *Izv. Akademii nauk SSSR po rus. yaz. i slovesnosti*. 1929. Vol. 2, issue 1. P. 1–75. (in Russ.).
5. Pastushenkov G. A. [System of word-formation of nouns in the Tale of Bygone Years according to the Laurentian list of the chronicle] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Kuibyshev, 1955 (in Russ.).
6. Telezhnikova A. A. [The declension of nouns in the Tale of Bygone Years according to the Lavrentyevsky list] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Moscow, 1955 (in Russ.).
7. Kolevatova G. I. [Prefix names of nouns, correlated with the verbs (on the material of the Tale of Bygone Years)] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Leningrad, 1954 (in Russ.).
8. Simina G. Y. [On the use of verbal forms of the past tense in the Tale of Bygone Years according to the Lavrentiev List]. *Issledovaniya po grammatike russkogo yazyka*. Leningrad, 1955. Vol. 2. P. 42–59 (in Russ.).
9. Samokhvalova E. I. [The functions of verbal attachments in the Laurentian Chronicle] : diss. abstr. ... PhD (philol.). Leningrad, 1953 (in Russ.).
10. Malovitskiy L. Y. [From the history of the pronoun of the third person (based on the materials of the Tale of Bygone Years)]. *Uchen. zap. Leningr. ped. inst.* 1963. Vol. 245. P. 195–200 (in Russ.).

11. Vygonnaya M. P. [On the relationship between prepositional and non-predestructible constructions in the expression of case relations (on the material of the Tale of Bygone Years on the Lavrentiev List]. *Voprosy izucheniya russkogo yazyka* [Questions on the study of the Russian language]. Rostov on Don, 1963. P. 114–116.
12. Lomonosov M. V. [Russian grammar]. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book192769/#page/1/mode/1up> (date of access: 10.10.2017).
13. [Russian grammar]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (date of access: 01.09.2017) (in Russ.).
14. Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N., at al. Ananesov R. I., Ivanov V. V. (eds.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. 2nd ed. Moscow : Russ. yaz., 1990 (in Russ.).
15. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Glagol. Historical grammar of the Russian language. Morphology]. Moscow : Nauka, 1982 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 29.12.2017.
Received by editorial board 29.12.2017.*